

Неопубликованная диссертация Леонида Долгополова о поэмах Блока «Возмездие» и «Двенадцать»

© 2021, В.Э. Молодяков

Университет Такусёку, Токио, Япония

Аннотация: Исследователь русского модернизма Леонид Константинович Долгополов (1928–1995) посвятил поэмам Александра Блока «Возмездие» и «Двенадцать» кандидатскую диссертацию, законченную в 1960 г., защищенную в 1962 г., но не изданную (экземпляр в собрании автора статьи). Ее основные части обнародованы в виде статей, положения отражены и развиты в других работах Долгополова, но в целом виде она не опубликована и, на взгляд автора, заслуживает публикации как ценный источник по истории изучения русского символизма и как яркая, оригинальная работа, которая и сейчас читается с интересом. Настоящая статья вводит этот источник в научный оборот. Первая глава посвящена поэме «Возмездие» и является комплексным исследованием замысла и творческой истории поэмы, ее жанровых особенностей и исторических мотивов. Вторая глава анализирует эволюцию политических взглядов Блока в 1914–1917 гг. и ее отражение в поэтическом творчестве (на материале лирики). Третья глава открывает цикл исследований Долгополова о поэме «Двенадцать», которую он считал высшим творческим достижением Блока и о которой неоднократно писал позднее. Предметом анализа стали идейная и образная система поэмы (с особым вниманием к образу Христа), новаторство в области формы, особенно ритмики, а также ее место в ряду стихотворений и поэм о революции других авторов — современников Блока.

Ключевые слова: А.А. Блок, Л.К. Долгополов, диссертация, поэма, история литературоведения

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков, д.полит.н., профессор, университет Такусёку, Токио, Япония. E-mail: dottore68@mail.ru.

Для цитирования: Молодяков В.Э. Неопубликованная диссертация Леонида Долгополова о поэмах Блока «Возмездие» и «Двенадцать» // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 131–145. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-131-145>

Александр Блок был «вечным спутником» исследователя русско-го символизма и литературы рубежа веков Леонида Константиновича Долгополова (1928–1995) на протяжении всей его научной деятельности. Новаторские книги и статьи Долгополова о Блоке выдержали испытание временем и вошли в «золотой фонд» отечественного литературоведения. Однако его кандидатская диссертация «Поэмы Блока (“Возмездие”, “Двенадцать”))» остается неизданной. Ее основные части обнародованы в виде статей, положения отражены и развиты в других работах Долгополова, но в целом виде она не опубликована и, на взгляд автора этих строк, заслуживает публикации как ценный источник по истории изучения русского символизма и как яркая, оригинальная работа, которая и сейчас читается с большим интересом.

В октябре 1955 г. старший преподаватель кафедры современного русского языка Сыктывкарского педагогического института (ныне Коми государственный педагогический институт) Леонид Долгополов был зачислен в аспирантуру ИРЛИ и переехал в Ленинград. В тот год широко отмечалось 75-летие со дня рождения Блока, массовым тиражом вышел большой (общий объем 1660 страниц) двухтомник его избранных сочинений, возобновилась подготовка «блоковского» тома «Литературного наследства», задуманного в 1945 г. Полагаю, не без учета этих внешних факторов аспиранту Долгополову утвердили тему кандидатской диссертации «Поэмы Блока (“Возмездие”, “Двенадцать”))», которой должен был руководить свидетель эпохи В.А. Десницкий. Долгополов закончил диссертацию в 1960 г. по истечении планового трехлетнего срока обучения, после зачисления 17 декабря 1958 г. младшим научным сотрудником в Сектор советской литературы ИРЛИ и смерти Десницкого (22 сентября 1958). В 1959 г. фрагменты диссертации были опубликованы в институтских изданиях в виде статей: «“Возмездие”, незавершенная поэма А. Блока (Проблематика и основные образы)» в журнале «Русская литература» [2], «“Двенадцать” Ал. Блока. (Идейная основа поэмы)» в сборнике «Вопросы советской литературы» [3]. Первая статья доступна в Интернете в архиве журнала «Русская литература». Вторая отсутствует в сети и незаслуженно забыта, хотя в ней единственный раз опубликованы интересные наблюдения автора о лирике Блока времен Первой мировой войны.

Уже в первых статьях Долгополов, не побоявшийся называть «Двенадцать» «узлом противоречий», и призывавший анализировать именно эти противоречия, проявил себя как оригинально мыслящий ученый. Он писал без оглядки не только на академическую иерархию, открыто и корректно споря с авторитетами вроде В.Н. Орлова

и Л.И. Тимофеева (их книги о Блоке с маргиналиями Долгополова находятся в моем собрании), но и на политическую конъюнктуру и социальный заказ. Исследовательский «почерк» и стиль Долгополова настолько отличались от уныло-благонамеренной жвачки (прошу считать это техническим термином) остальных работ в «Вопросах советской литературы», что статья о «Двенадцати» была замечена недобрым глазом и удостоилась разгромного фельетона В.А. Назаренко «Посмертное и насильственное пострижение Александра Блока» в журнале «Крокодил» (1959. № 26). Материалы полемики, если это можно назвать полемикой, перепечатаны в подготовленной мной книге Долгополова «Прогулки с Блоком. Незданное и несобранное» [7, с. 279–283], так что повторяться не будем.

Административных последствий для Долгополова «клеветон», видимо, не имел, хотя мог задержать подготовку диссертации к защите. Работа над текстом закончена в 1960 г.: этим годом датированы самые поздние из использованных в ней публикаций; тексты Блока Долгополов цитировал не по восьмитомнику, начавшему выходить в 1960 г., а по довоенному двенадцатитомнику. Печатный второй экземпляр диссертации с многочисленными исправлениями автора на вкладышах и с пометами Д.Е. Максимова (находится в моем собрании и положен в основу настоящей статьи; номера страниц указаны в тексте) датирован 1961 г., автореферат — 24 февраля 1962 г. Выполненную в ИРЛИ диссертацию Долгополов защитил на филологическом факультете ЛГУ; ни дата защиты, ни фамилии научного руководителя и оппонентов (видимо, одним из них был Максимов) в автореферате не указаны. Заняться поиском официальных документов о защите я пока не имел возможности.

Диссертация заметно отличается от монографии Долгополова «Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков» (1964) [5], хотя фрагменты первой использованы во второй, иногда дословно, иногда со значимой правкой. Первой книгой ученого обычно становится его кандидатская диссертация, более или менее дополненная. В случае Долгополова перед нами новое исследование, более широкое по проблематике, тематике и охвату материала, с использованием преимущественно тех фрагментов диссертации, которые ранее не появлялись в печати.

Введение к диссертации (С. 3–26) написано не по «законам жанра», а в свободной форме, как введение к монографии; так же написан и автореферат. Долгополов начал его лирически — со стихотворения Блока «Друзьям» и комментария к нему (С. 3–4) [5, с. 117]. Рассмотрев влияние автобиографических романов А. Стриндберга на замысел

«Возмездия» (С. 5–7) [5, с. 117–118], автор назвал поэму «психологической загадкой» и заявил, что в ней «движения к реализму не было — сейчас это уже не спорный вопрос» (С. 13–14); Максимов подчеркнул оба утверждения. При анализе работ предшественников Долгополов подробно становился на полемике вокруг «Двенадцати» в конце 1950-х годов, актуальной на момент написания диссертации, но забытой к настоящему времени и достойной внимания как факт не только истории интерпретации творчества Блока, но и литературной жизни эпохи.

Пермский литератор В. Будрин в альманахе «Прикамье» [1] и московский критик С.М. Штут в журнале «Новый мир» [9] выступили против трактовок поэмы у Орлова и Тимофеева. Долгополов изложил позицию критиков: «В самое последнее время была предпринята попытка снять внутреннюю противоречивость блоковского мироощущения, нашедшего отражение в его революционной поэме, представить художественную позицию поэта простой и не вызывающей никаких споров и недоумений. <...> Оба автора выступают против ложного, по их мнению, утверждения, сложившегося в нашей критике, что в “Двенадцати” нашел отражение не только огромный революционный пафос, но и неверные представления Блока о революции, которые и наложили свой отпечаток на характер образов и на ритмическую структуру поэмы. <...> Вл. Орлову вменяется в вину то, что, невнимательно читавшись в поэму и не вдумавшись в сказанное о ней “Правдой”, он встал на “весьма сомнительную позицию, которую давно пора пересмотреть”. <...> Поэма абсолютно непорочна, утверждает В. Будрин, ибо сказанное в поэме обо всех двенадцати *на деле к ним не относится*, а связано с действиями лишь одного из них, случайно затесавшегося в их ряды» (С. 18–19). Долгополов дает оценку этой критике:

«Пытаясь снять с поэмы обвинение в “порочности”, В. Будрин до возможного предела выпрямляет ее идейный стержень, не заботясь о последствиях, к которым это может привести. <...> В игнорировании связанности всех элементов художественного произведения, в пренебрежении к тем сторонам его, которые не уместятся в заданную схему, — да еще когда речь идет о поэме с предельно сложной и противоречивой символикой — и кроется основная ошибка В. Будрина. <...> В. Будрин совершенно упускает из виду тот неоспоримый факт, что каждый эпизод и каждый характер в поэме Блока есть, в силу ее особенностей, символ (в лучшем смысле слова), за которым кроются размышления самого поэта о сути происходящего, попытки

разобраться в нем. <...> Взявшись за исправление недостатков книги Вл. Орлова, В. Будрин не только не расширяет нашего представления о поэме, но настолько сужает его, что гениальное творение Блока предстает перед читателем статьи худосочным и заурядным творением, утратившим весь свой революционный пафос и благородную романтику. <...> Все оказывается до того несложным, что диву даешься, до чего близорука наша критика, не сумевшая в течение сорока лет увидеть то, что лежит на поверхности!» (С. 19–21).

Небольшая статья малоизвестного литератора в провинциальном издании едва ли заслуживала детального рассмотрения во введении к диссертации, на тему которой имелись значительные для своего времени работы. Для Долгополова она была, полагаю, не просто еще одной наивной и примитивной трактовкой поэмы, но фактом *современной* литературной жизни, попыткой возвращения к «традициям солидной давности» (С. 22), когда требовалось «вдумываться в сказанное “Правдой”» и пересматривать «сомнительные позиции». Отсюда не только внимание к статье, но и саркастический тон разбора, более подходящий для критической статьи, нежели диссертации. Не менее ортодоксальной, но не столь наивной статье столичного критика Штут в «Новом мире» Долгополов посвятил меньше места и меньше сарказма, но отметил у автора «явное упрощение ее [поэмы] содержания и ее объективного смысла» (С. 24).

Первая глава посвящена «Возмездию» (С. 27–138) Первый раздел (С. 27–49) о творческой истории поэмы с важными суждениями о содержании («суд над самим собой» (С. 41) применительно к замыслу второй главы) в статью 1959 г. не вошел, а в книге представлен в новом виде, не в последовательности глав поэмы, но в хронологическом порядке работы над ее текстом. Приведу основной вывод автора, позднее сформулированный в других выражениях:

«Две художественные линии, две струи постоянно борются в поэме — линия широкого эпического воспроизведения, реализуемого в реалистически четких картинах, и линия лирическая, с ярко выраженным романтическим оттенком, создающая второй, субъективно-лирический план поэмы. Эта вторая линия в конце концов побеждает, благодаря чему эпическая поэма постепенно приобретает черты лирической исповеди. Вместе с тем, по своим жанровым особенностям “Возмездие” приближается к жанру психологического романа в стихах, в котором сливаются воедино начала, идущие от поэм Пушкина (главным образом, это “Медный всадник”) и романов

Достоевского. За пушкинской четкостью и полнокровностью многих картин в “Возмездии” Блока уже скрыт полный внутреннего драматизма усложненный психологизм» (С. 44–45).

Второй раздел (С. 49–72) о проблематике лирики и эпоса в эстетике Блока и о романтическом характере его творчества вошел в статью как отдельный раздел [2, с. 146–154] в цельном, но сокращенном виде; например, полностью опущен фрагмент о К.П. Победоносцеве (С. 68–71). Третий раздел (С. 72–99), в котором основное внимание уделено личности отца, составил полтора раздела статьи [2, с. 154–164], почти без исправлений, но с сокращениями. Четвертый раздел (С. 99–117) об исторических сценах поэмы сокращен в статье еще больше [2, с. 164–169]. Из них в книгу — в иной последовательности — включены фрагменты о научных и политических взглядах А.Л. Блока (С. 91–98) [5, с. 95–99], о его изображении в поэме (С. 77–88) [5, с. 99–103], о «державном основателе» Петре (С. 64–66) [5, с. 111–112] и «колдуне» Победоносцеве как сатирическом образе (С. 66–71) [5, с. 104–105].

Не представленный в статье пятый раздел (С. 117–138) о влиянии теории «экспериментального романа» Э. Золя на замысел «Возмездия» как «Ругон-Макаров в малом масштабе» вошел в книгу с сокращениями [5, с. 89–95]. Наблюдения Долгополова о блоковской теории «концентрических кругов» (С. 129–136) изложены в книге скомканно [5, с. 93–95].

«До сих пор литература о Блоке не располагает исследованием, в котором поэма “Возмездие” рассматривалась бы во всей совокупности проблем, связанных с объективными обстоятельствами возникновения замысла, ее ролью в творческой биографии поэта, причинами ее незавершенности и занимаемом ею месте в поэзии начала века. Это тот необходимый круг вопросов, без решения которых поэма Блока не может быть рассмотрена и в более широкой историко-литературной перспективе. Решению их посвящена первая глава диссертации», — указал Долгополов в автореферате [4, с. 5–6]. Это его наиболее полное и законченное исследование о «Возмездии» в цельном виде не опубликовано до сих пор. Возможно, автор собирался использовать его, когда в конце 1977 г. подал заявку на отдельное комментированное издание поэмы в серии «Литературные памятники», однако дальше заявки дело не продвинулось [8, 472–473]. Во всех трех изданиях книги «Александр Блок. Личность и творчество» (1978; 1980; 1984) Долгополов дал лишь общую характеристику поэмы.

Вторая глава диссертации «Блок и империалистическая война» (С. 139–183) (на полях Максимов предложил вариант «1-я мировая война»), рассматривающая эволюцию его общественно-политических взглядов в 1914–1917 гг. через призму стихотворений (впервые опубликован набросок «Вскочить. Перебежать. Прилечь...» (25 сентября 1914) (С. 146) [4, с. 11]), дневниковых записей и писем, в целом виде не публиковалась. С сокращениями содержание главы вошло в статью 1959 г. о поэме «Двенадцать», составив ее первый раздел [3, с. 135–154]. Основные тезисы заявлены в начале главы и повторены в статье. «Всё, что пишет и делает Блок после 1914 г., обусловлено влиянием войны и постепенно складывающегося отрицательного к ней отношения» (С. 140). Начиная со сборника «Стихи о России», «тема Родины, России становится центральной *и единственной темой* и поэтического творчества [Блока], и многочисленных дневниковых записей, писем и бесед с близкими» (курсив мой. — В.М.) (С. 140). «Понимание бессмысленности войны, к которому подходил поэт, еще больше укрепляло в нем ощущение неустроенности мира. Именно такими настроениями проникнуты те несколько стихотворений, которые были написаны в 1914 г. и в которых отчетливо выявилось двойственное отношение к войне. Этими стихотворениями, составившими вторую часть сборника, открывается *новый, последний период в творчестве Блока*» (курсив мой. — В.М.) (С. 143). Два последних тезиса вызвали сомнения Максимова, который подчеркнул выделенные мной строки и поставил против них вопросительные знаки.

Первый раздел главы (С. 139–152) сосредоточен вокруг сборника «Стихи о России» (1915), второй (С. 152–168) вокруг высказываний 1915–1916 гг. и антивоенных настроений поэта, третий (С. 168–183) вокруг событий 1917 г., рассматривающихся как прелюдия к написанию «Двенадцати». Автор напомнил: «В последнее время в некоторых работах наметилась тенденция упрощать путь Блока, рассматривать его движение к революции как прямое восхождение. Подобное стремление к “выравниванию” внутренней эволюции поэта ведет зачастую к прямому искажению его облика» (С. 169). Тенденции революционизировать позицию Блока Долгополов не поддавался, подробно написав и о поддержке Временного правительства, и о последующем разочаровании в нем. И сделал вывод, который можно считать принципиальным: «Успешно преодолеть кризис и нащупать правильный путь Блоку помогла его большая вера в русский народ и народные силы» (С. 176) [3, с. 150; 4, с. 12].

Утверждение автора: «Сейчас, во время империалистической войны проблема народа и интеллигенции перерастает в сознании

Блока в проблему России и Запада» (С. 145), — вызвало комментарии Максимова: «Не совсем так» и «Эта проблема еще в “Девушке роз[овой] калит[ки]” и даже в ст[атье] о Бол[отове] и Новик[ове]». В автореферате Долгополов учел замечание: «Проблема народа и интеллигенции перерастает в сознании Блока в проблему России и Запада, впервые поставленную им в статьях 1906–1912 гг. (см., например, “Девушка розовой калитки и муравьиный царь”» [4, с. 11]. Подчеркиванием и вопросительным знаком Максимов отметил фразу: «Все узко-субъективное, не могущее получить широкого обобщения, стремления эстетизировать факты бытия, представленные в лирике периода реакции, сознательно отвергаются, *полностью заменяясь общественно-значимым, навеянным кровавыми событиями войны*» (С. 158). В итоговой книге автор не только обошел эту проблематику вниманием, но среди стихотворений предреволюционных лет выделил именно «субъективный» цикл «Кармен». Добавлю, что в диссертации ничего не сказано о поэме «Соловиный сад», анализ которой автор дал в книге 1964 г. [5, с. 129–136].

Третья глава диссертации «Двенадцать» (С.184–309) открыла цикл исследований Долгополова о том, что он считал вершиной творчества Блока. Статья 1959 г., посвященная «идейной основе поэмы», вобрала ее текст лишь частично. В книгу 1964 г. материал главы вошел фрагментарно, с правкой и в иной последовательности. Рассмотрение ее связи с работами автора 1970-1980-х годов в нашу задачу не входит — это отдельный сюжет.

Автор сразу указал на «чрезвычайно сложное и противоречивое содержание» «Двенадцати» (С. 184). Первый раздел (С. 185–203) посвящен политическому контексту поэмы, которая «есть единый и неделимый комплекс мыслей, чувств и ощущений поэта, взаимообусловленных и взаимосвязанных, вызванных к жизни и всем предшествующим творчеством поэта, и его мироощущением в первые месяцы революции» (С. 185).

«Здесь прежде всего обращает на себя внимание стремление Блока противопоставить стихийный элемент элементу политическому с полной отдачей предпочтения первому. <...> Блок проникся освободительной романтикой революции, ее очистительным огнем. <...> Но революция гораздо глубже вторглась в сознание поэта и, найдя там благодатную, уже подготовленную почву, овладела им настолько сильно, что поэт вышел в поэме далеко за рамки стихийного ее восприятия. <...> Приняв октябрьский переворот и захват власти большевиками, Блок осознает романтику революционной борьбы,

проникается ощущением колоссального сдвига в общественно-политической жизни страны. И хотя политическая индифферентность Блока и тут не могла не сыграть своей определенной роли, наряду с ней все-таки присутствует и стремление осмыслить происходящее именно с политической стороны» (С. 186–188).

Долгополов продолжал спор с утверждениями о том, что «поэма не содержит никаких элементов, которые давали бы возможность говорить о сложности и противоречивости ее содержания», что «Блок до тонкостей разбирался в сложной обстановке» и что «в его изображении революция не имеет черт стихийности и бунтарства» (С. 185).

Ключевой тезис второго раздела (С. 203–224):

«Поэма “Двенадцать” — это не реалистически точное изображение революции. *Это романтическое изображение революции — такой, какой увидел ее Блок.* Именно поэтому, говоря о поэме, необходимо не только раскрыть объективный смысл и звучание ее образов–символов, но и выяснить тот реальный смысл, который был вложен в них самим автором и который как раз и оказывается для “Двенадцати” чрезвычайно важным» (С. 205).

Здесь же впервые обнародован текст показаний арестованного Блока в ЧК 16 февраля 1919 г. (С. 209), где он говорил о своих отношениях с партией левых эсеров.

Долгополов не обошел вниманием важный для своего времени вопрос о «классовой принадлежности блоковских красногвардейцев». Кем еще могли быть главные герои революционной поэмы, как не «пролетариями»?! «Это не пролетарии и не крестьяне, это революционная “голытьба”, ушедшая, по-видимому, из деревни по призыву после объявления войны, до известной степени деморализованная войной и вихрем революционных событий занесенная в восставший Петроград. Ее-то и принимает поэт за главную силу революции и на нее возлагает миссию переустройства общества» (С. 210). Фразы о «голытьбе» [3, с. 163] стали объектом нападок в «Крокодиле», но автор сохранил их в диссертации, хотя в автореферате выразился обобщенно: «Герои блоковской поэмы — это весь восставший народ; народные образы поэмы — олицетворение революционной стихии. <...> Эта стихия — главный герой поэмы и основная ее революционная сила. Именно стихия, а не отдельный человек. В представлении поэта она едина, синтетична, хотя внутри

нее и вырисовываются самостоятельные образы с индивидуальными чертами внутреннего облика» [4, с. 15]. В книге Долгополов повторил этот тезис, добавив: «"Двенадцать" — это полное торжество стихии» [5, с. 55]. В этом «полном торжестве стихии» гибнут и Катька, и Шингарев с Кокошкиным, и шахматовская библиотека. «Блок не только принимает революцию, но и *оправдывает* все те частности, что, будучи на деле отклонением от нормы, представлялись ему характерными и существенными» (С. 218) [3, с. 167].

В «клеветоне» основной удар был нанесен по трактовке образа Христа в третьем разделе статьи [3, с. 169–180]. В диссертации, где ему посвящен третий раздел главы (С. 224–242), Долгополов исправил или исключил некоторые процитированные фельетонистом фразы, которые могли быть истолкованы во вред ему, но «косметический» характер правки очевиден. Вместо «необходимости введения в революционное действие некоего интеллектуального начала, призванного заронить в него отсутствующее в нем рациональное зерно» [3, с. 173] появляется «необходимость некоего положительного начала, которое должно быть введено в поэму и символизировать созидательные задачи русской революции, призванной возродить человеческую личность» (С. 230). В статье «на Красную Гвардию возлагается апостольская функция реализации основных заповедей обновленного христианства» [3, с. 178–179], в диссертации — «функция возрождения основ обновленной морали» (С. 241). Более того, в диссертации блоковский Христос трактуется как «прежде всего воплощение чистоты и оправданности революционного действия», «морально-этическое оправдание совершаемого зла во имя будущего торжества добра», «то светлое, что обязательно должно быть революции» (С. 233–234), — чего не было в статье. В книге Долгополов дословно повторил первые две характеристики, однако исключив из второй слово «зло» [5, с. 168]. А в автореферате добавил: «Несостоятельными представляются попытки трактовать этот образ как мало существенный атрибут поэмы, не несущий, якобы, никакой идейной нагрузки и даже противостоящий революционной настроенности поэмы и ее освободительному пафосу» [4, с. 16].

Осмеянный в «Крокодиле» тезис: конец «Двенадцати» *«не может быть иным. Он должен был быть таким и только таким, ибо именно к такому концу вела логика развития всех предреволюционных раздумий и размышлений поэта о будущем человечества»* [3, с. 174] (С. 231–232), — Долгополов не просто сохранил в диссертации, но выделил разрядкой и вторую его часть, чего не было в статье. И в статье, и в диссертации блоковский Христос «возглавляет борьбу

за новый мир», «принимает *активное* участие в борьбе», «сливается с народом в единое целое, но не растворяется в нем, продолжая оставаться тем высоким уровнем нравственности, которой должны достичь (и достигнут в конце концов) идущие за ним апостолы революции» [3, с. 179] (С. 241) (с незначительными разночтениями). «Именно Христос и связанные с этим именем надежды оказываются призмой, сквозь которую Блок смотрит на революцию» (С. 241) — добавил автор в диссертации. Это «мерило человеческой нравственности, эманация новой морали, воплощение мечты, ведущей людей на ниспровержение существующих социальных условий» (С. 242). В автореферате более конкретно: «Сложная эманация тех светлых начал, тех истинно человеческих отношений, что несет в мир русская революция» [4, с. 16]. После «крокодильской» критики Долгополов уже не называл Христа, как в статье 1959 г., «участником революционного переворота, ведущим униженных и оскорбленных в царство социализма, которое будет и *его* царством» [3, с. 179]. В книге 1964 г. фигурирует «туманный и неотчетливый, не столько даже облик, сколько нравственно-этический символ», которому присущи «условность и нежизненность» [5, с. 159]. Однако автор сохранил приведенные выше характеристики Христа, добавив: «Никаких противоречий между заключительной строфой поэмы и ее содержанием нет» [5, с. 168].

Не представленный в статье четвертый раздел (С. 243–270), посвященный структуре и ритмике поэмы, с изменениями вошел в книгу [5, с. 171–181] и частично составил основу статьи «Ритмы и контрасты. (Заметки о поэме Блока «Двенадцать»)), опубликованной в 1968 г. в журнале «Волга» [6]. В книге автор принял некоторые поправки Максимова к тексту диссертации. В одном месте заменил определение «напряжение ритма» на «быстроту темпа»: «Именно здесь, в шестой главке, где описана погоня за Ванькой и убийство Катьки, напряжение ритма достигает невиданной ранее силы» (С. 258) [5, с. 175]; в другом «нарастание ритма» на «нарастание темпа»: «Примерно с девятой главки начинается новое нарастание ритма» (С. 262) [5, с. 176].

Неопубликованным остался пятый раздел главы (С. 271–309), анализирующий место поэмы в литературе:

«Поэма “Двенадцать” была наиболее значительным в поэзии первых лет Октября произведением о революции. Она завершала развитие “старой” русской литературы и в то же время была первой страницей в истории новой советской поэзии. Это была первая

попытка во всей глубине охватить смысл революционных событий, понять характер происходившего на глазах изменения мира» (С. 272–273).

Автор сопоставлял «Двенадцать» и произведения других поэтов, принявших революцию, — Брюсова, Маяковского, Есенина, Хлебникова.

«Этот жизнеутверждающий пафос поэзии, посвятившей себя революции, определил и ее особенность — господство лирико-романтического начала. Эпический момент занимал здесь подчиненное положение. Вернее, он выступал в таком плотном окружении лирической стихии, что предельно видоизменялся и был связан уже не столько с широтой охвата фактов действительной жизни, сколько с эмоциональной насыщенностью произведения» (С. 274).

Одни наблюдения автора представляются верными, другие — спорными, например, утверждение, что в стихотворении Брюсова «В такие дни» (1920) «поэт как бы осознает себя ответственным за грехи прошлых поколений», «не только берет на свои плечи ответственность за все прошлые несправедливости, но и готов принести себя в жертву во имя торжества весьма смутно представляемых им светлых начал» (С. 275). К процитированной Долгополовым строке из него: «Вихрь беспощадных искр, взметай меня!» — Максимов приписал: «Взметай, *не* сжигай». Неверным представляется и утверждение о том, что сборник Брюсова «Последние мечты» (1920) «проникнут верой <...> в силу разумного начала, в интеллект и духовное богатство русского человека» (С. 283). Сказанное применимо к сборнику «В такие дни» (1921), который открыл «новую манеру» Брюсова, в то время как предыдущий завершил «старую манеру», хоть и вышел через три года после революции.

Краткое Заключение (С. 310–312), выдержанное «в духе времени» (как первые и последние абзацы статьи о «Двенадцати»), кажется адресованным возможному критику, который, бегло пролистав текст диссертации, приглядится к выводам: «Если “Возмездие” свидетельствовало о кризисе и об окончательном упадке символистской поэзии, то “Двенадцать” стояли у истоков новой поэзии, призванной воспроизвести характер нового человека и отразить процесс создания первого в мире социалистического государства» (С. 312). Одним словом, ура, товарищи!

Основное содержание, положения и выводы неопубликованной диссертации Долгополова о поэмах Блока вошли в научный оборот на рубеже 1950-1960-х годов и были развиты в его позднейших работах. Однако она является цельным самостоятельным исследованием, достойным нашего внимания и, полагаю, публикации.

Литература

1. Бурдин В. Первая поэма об Октябре // Прикамье. 1958. № 24. С. 118–122.
2. Долгополов Л.К. «Возмездие», незавершенная поэма А. Блока. (Проблематика и основные образы) // Русская литература. 1959. № 4. С. 146–170.
3. Долгополов Л.К. «Двенадцать» Ал. Блока. (Идейная основа поэмы) // Вопросы советской литературы. Сб. VIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 134–180.
4. Долгополов Л.К. Поэмы Блока («Возмездие», «Двенадцать»). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л.: ЛГУ, 1962. 18 с.
5. Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков. М.-Л.: Наука, 1964. 192 с.
6. Долгополов Л. Ритмы и контрасты. (Заметки о поэме Блока «Двенадцать») // Волга. 1968. № 5. С. 163–172.
7. Долгополов Л. Прогулки с Блоком: неизданное и несобранное. М.-СПб.: Нестор-История, 2019. 336 с.
8. Леонид Долгополов. Неосуществленные замыслы / публ. В.Э. Молодякова // «Сложная целостность» литературы: исследования и публикации. К юбилею В.А. Келдыша. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 472–480.
9. Штут С. «Двенадцать» А. Блока // Новый мир. 1959. № 1. С. 231–246.

Research Article

Leonid Dolgoplov's Unpublished PhD Thesis on Alexander Blok's Narrative Poems "Retribution" and "The Twelve"

© 2020, Vassili Molodiakov

Takushoku University, Tokyo, Japan

Abstract: Russian Modernism scholar Leonid Konstantinovich Dolgoplov (1928–1995), known for his studies on Alexander Blok and Andrei Bely, completed his PhD thesis on Blok's narrative poems "Retribution" and "The Twelve" in 1960, received his degree in 1962, but never published the text (now in the author's possession). Its major parts were published as papers, its principal propositions and

conclusions were developed in Dolgoplov's later research works, but the thesis was never printed as a whole, and, from the author's point of view, is worth being published as a valuable source for history of literary studies on Russian Symbolism as well as an original work useful and readable even now. The article presents Dolgoplov's unpublished PhD thesis. Chapter One deals with "Retribution" and presents a comprehensive study of the poem's plan, plot, and literary history, its genre peculiarities and historical scenes. Chapter Two analyzes evolution of Blok's political views during the First World War and the Russian Revolution of 1917 and also its reflection in Blok's lyric poems of this period. Chapter Three is the first of Dolgoplov's numerous studies on "The Twelve", the work he considered to be Blok's highest literary achievement. Dolgoplov analyzed the poem's ideas and images (especially Jesus Christ), its formal and rhythmic novelty, its place among other contemporary poetical works on Russian revolution.

Keywords: Alexander Blok, Leonid Dolgoplov, PhD thesis, narrative poem, history of literary studies

Information about the author: Vassili E. Molodiakov, Dr Hab in Political Science, Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473>. E-mail: dottore68@mail.ru

For citation: Molodiakov, V.E. "Leonid Dolgoplov's Unpublished PhD Thesis on Alexander Blok's Narrative Poems 'Retribution' and 'The Twelve'." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 131–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-131-145>

References

1. Budrin V. "Pervaia poema ob Oktiabre" ["The First Poem about October"]. *Prikam'e*, no. 24, 1958, pp. 118–122. (In Russ.)
2. Dolgoplov L.K. "'Vozmezdie', nezavershennaia poema A. Bloka. (Problematika i osnovnye obrazy)" ["'Retribution', A. Blok's Unfinished Poem. (Problematics and Main Images)"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1959, pp. 146–170. (In Russ.)
3. Dolgoplov L.K. "'Dvenadtsat' Al. Bloka. (Ideinaia osnova poemy)" ["'The Twelve' by Al. Blok. (Ideological Basis of the Poem)"]. *Voprosy sovetskoï literatury [Soviet Literature Issues]*, iss. 8. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1959, pp. 134–180. (In Russ.)
4. Dolgoplov L.K. *Poemy Bloka ("Vozmezdie", "Dvenadtsat")* [Blok's Narrative Poems ("Retribution", "The Twelve")], PhD thesis abstract. Leningrad, LGU Publ., 1962. 18 p. (In Russ.)
5. Dolgoplov L.K. *Poemy Bloka i russkaia poema kontsa XIX — nachala KhKh vekov [Blok's Narrative Poems and Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries]*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 192 p. (In Russ.)
6. Dolgoplov L. "Ritmy i kontrasty. (Zametki o poeme Bloka 'Dvenadtsat')" ["Rhythms and Contrasts. (Notes on Blok's Poem 'The Twelve')"]. *Volga*, no. 5, 1968, pp. 163–172. (In Russ.)
7. Dolgoplov L. *Progulki s Blokom: neizdannoe i nesobrannoe [Walks with Blok: Unpublished and Uncollected]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

8. “Leonid Dolgopolov. Neosushchestvlennye zamysly” [“Leonid Dolgopolov. Unfulfilled Plans”], publ. by V.E. Molodiakov. “*Slozhnaia tselostnost’*” *literatury: issledovaniia i publikatsii. K iubileiu V.A. Keldysha* [“*Complex Integrity*” of Literature: Studies and Publications. For the Anniversary of V.A. Keldysh]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. S. 472–480. (In Russ.)

9. Shtut S. “‘Dvenadtsat’ A. Bloka” [“‘The Twelve’ by A. Blok”]. *Novyi mir*, no. 1, 1959, pp. 231–246. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.01.2021

Одобрена после рецензирования: 03.03.2021

Дата публикации: 25.06.2021

The article was submitted: 22.02.2021

Approved after reviewing: 03.03.2021

Date of publication: 25.06.2021